

**Деваль Шарль**

**Два года в Константинополе  
и Море, 1825-1826**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
Д25

Д25 **Деваль Шарль**  
Два года в Константинополе и Море, 1825-1826 / Деваль Шарль – М.: Книга  
по Требованию, 2022. – 246 с.

**ISBN 978-5-518-07602-0**

Или исторические очерки Махмуда, янычар, новых войск, Ибрагима-Паши,  
Солимана-бея, и проч.

**ISBN 978-5-518-07602-0**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



## ПРЕДИСЛОВІЕ СОЧИНТЕЛЯ.

---

Много было писано о нравахъ и обычаяхъ Турокъ; много будетъ еще писано и предметъ сей все еще не исощипся, пошному чшо народъ, у котораго липеранпоры рѣдки, который презираешъ книгопечатаніе, и коего правиппельсво ищепъ пьмы и шайны, никогда не можепъ бытъ вполне узнанъ. И я въ свою очередь сообщаю публикѣ плоды моихъ наблюденій. Впрочемъ, я долженъ сказать, чшо еспъ сочиненія, которыя ни сами по себѣ, ни по намѣренію авіпоровъ, не имѣютъ никакаго липературнаго доспомнспва, и никогда бы не увидѣли свѣта, если бы спеченіе обспояпельснвъ не сдѣлало ихъ на время предметомъ живаго любопытнспва. Таково предлагаемое швореніе; оно не оплнчается ни глубокими видами, ни возвышеннымъ слогомъ. Чшпашели не найдутъ здѣсь одной изъ пѣхъ блестящихъ піппическихъ картинъ, въ которыхъ искусство художника выказываетса иногда на счетъ испн-

ны; это собраніе замѣчаній о Турціи и Морей, конпорья я недавно посвящаль, о нравахъ, обычаяхъ жиппелей Воспока; вѣрный и просной разсказъ доспопамяпныхъ проишесствій, случившихся въ Конспаниинополѣ и множесиво собыпій, касающихся до кровопроливной боръбы, конпора я привлекаеть на себя взоры всей Европы. По сему надежду на благосклонность публики основываю я не на внупренномъ доспоиисствѣ пворенія; но я смѣю думать, что сочиненіе мое должеспвующее разливъ новый свѣтъ на Турцію и Европу, короче познакомипъ читателей съ главнѣйшими лицами, играющими тамъ важная роль и показавъ дѣятельное учасіе, принятое ими въ недавнихъ переворопахъ, избѣгнеть критики и будетъ принято болъшею частію публики съ снисходительностію и даже съ благосклонностію, въ такое время, когда все, касающееся до сихъ спранъ, должно бытъ занимательно для друзей искусствъ и свободы, и пробуждать всѣ благородныя и великодушныя спрасии.



# ДВА ГОДА

ВЪ

## КОНСТАНТИНОПОЛѢ

И МОРЕѢ (1825-1826.)

---

### ГЛАВА I.

Отъездъ изъ Франціи. — Мило. — Трогская долина.  
Константинополь.

Я покинулъ Францію въ 1825 году; не скажу, чѣмъбы я уѣхалъ безъ сожалѣнія; но въ юномъ сердцѣ спросить къ путешествіямъ можешь согласоваться съ любовью къ отчизнѣ и я признаюсь, что надежда посѣщенія земли отдаленной, казалась мнѣ достаточнымъ вознагражденіемъ за мое пожертвованіе. Спраны, въ которыхъ я ѣхалъ, всегда возбуждали во мнѣ живое любопытство; никакое Государство не казалось мнѣ столь занимательнымъ. Греція и Турція суть, нѣкоторымъ образомъ, земли совершенно особенныя; въ нихъ ни что не походитъ на то, что видимъ мы въ остальной части свѣта; нравы, законы, обычаи, Архитектура и даже самые костюмы носятъ на себѣ печать ориги-

нальности. И что можете быть сравните и даже не понятите соединенія подъ однимъ скипетромъ или лучше сказать подъ однимъ мечемъ, двухъ народовъ споль различныхъ между собою; одного, основывающаго свое благосостояніе и могущество на невѣжествѣ и варварствѣ, превращающаго людей въ скоповъ для того, что бы имѣть рабовъ и спавящаго себя, уже многіе вѣки сколько изъ фанатизма сполько и изъ полнннки, внѣ всякаго просвѣщенія; и другаго, спрастнаго къ излщнымъ искусствамъ и свободѣ, сіяющаго опблесками древней своей славы и съ силою опчаянія ведущаго борьбу для того, что бы снова спастъ на спелень, съ коей свергли его прнспа лѣтъ нищеты и рабства! Мудрено-ли же, что при обзорѣнн театра сей кровопролитной войны, воспомнанія шолною шѣвлася въ душу путешественника; воображеніе переноситъ его во времена Мильшіадовъ и Омиспокловъ; онъ сравниваетъ сихъ героевъ древней Греціи съ геролми Греціи возраждающейя и пораженный многими чертами сходства, не знаетъ когда удивлялась ей болѣе, тогда ли какъ она опспалаживала и општвняла въ Азію колоссальное могущество Исеркезъ, или тогда, когда она, какъ бы пробудившись опъ смертнаго сна, съ негодованіемъ взираетъ на свои цѣпи и неуспрашнмо подвизается прошиву своихъ палачей и пнрановъ при кликахъ месни и свободы. Таковы,

по крайней мѣрѣ, были мысли меня волновавшія, чувствованія, которыя ощущалъ я въ сихъ справахъ, гдѣ деспотизмъ и варварство давно уже борятся съ независимостію и просвѣщеніемъ....

Я получилъ позволеніе отправиться на Королевскомъ фрегатѣ *Галатей*. Благопріишный вѣтеръ скоро перенесъ насъ къ берегамъ Сициліи; чрезъ нѣсколько дней увидѣли мы небольшой островъ Мило, недалекій отъ острововъ Кандіи, Пароса и Наксоса, столь славныхъ въ древности. Дурная погода заслѣпила насъ некашъ шамъ убѣжища. Въ Архипелагѣ, проливные вѣтры весьма опасны; шамъ нельзя лавировать и подвигаться впередъ, такъ сказать обманывая бурю. На морѣ, устьяномъ островами и подводными камнями, надобно укрыться въ гавани или подвергаться опасности разбиться о скалы или спать ночью на мѣль.

На С. В. отъ Мило лежитъ островъ Серебряной (*l'Argentière*.) Имя сіе дано ему потому, что на немъ найдены были серебряныя руды; нынѣ онъ не что иное, какъ не обитаемая скала. Не далеко отсюда стоялъ на якорѣ Греческій флотъ, кораблей въ шестидесять, подъ командою Мізуля, одного изъ оплечивѣйшихъ Греческихъ Адмираловъ.

Не разъ имѣлъ я случай замѣнить энтузіазмъ, одушевлявшій сихъ моряковъ; вечеромъ, при свѣтѣ луны, украшающей чистое небо Греціи, они собиравшись въ кружокъ на палубѣ и оглашали воз-

духъ своими патриотическими пѣснями. По временамъ пѣсни внезапно прекращались и со всѣхъ сторонъ раздавались клики: *да здравствуетъ свобода*. Было что по электрическое въ семь энтузіазмъ народа, который едва избѣгнувъ оупъ своихъ притѣснителей, съ жадностію наслаждался не прочной свободою, доставленной ему водами Оксана.

Мы пробыви на Мило шестнадцать дней; корабли обыкновенно берутъ шупъ Греческихъ кормчихъ, которые проводятъ ихъ по Архипелагу. Мило, называвшійся въ древности Мелосомъ, имѣеть въ окружности около пятнадцати миль. Оупъ весьма безплоденъ и потому жителн его чрезвычайно бѣдны. Гавань его одна изъ красивѣйшихъ и безопаснѣйшихъ во всемъ Средиземномъ морѣ. Городъ, называющійся по имени оспрова, весьма малолуденъ, что безъ сомнѣнія должно приписать нездоровости болонн его окружающихъ; городъ, который жителн предпочитаютъ, состоитъ на вершинѣ одной изъ самыхъ высокнхъ горъ и Провансальскіе моряки назвали его Сифуромъ, по имени деревни, построеной на одной изъ безплодныхъ горъ, лежащихъ около Тулона.

Особеннаго примѣчанія заслуживаютъ на Мило *Гротъ Зомира и Пещера теплыхъ водъ*. Первый есть просиранное углубленіе, въ которое нельзя проникнуть иначе, какъ по подземной до-

рогъ узкой, извилистой, по коей надобно пробираться ползкомъ. О происхожденіи сего гропа есть два мнѣнія, въ равной вѣрѣ у жителей. Одни относятъ его ко временамъ Героническимъ и говорятъ, что пираны Милосскіе вырыли его для того, что бы заключать въ немъ свои жертвы; другіе почитаютъ его произведеніемъ природы и думаютъ, что онъ называется Золировымъ, пошому, что какой то Царь сего имени, побѣжденный и преслѣдованный Аоніянами скрывался въ ономъ послѣ своего разбитія.

*Пещера теплыхъ водъ* называется такимъ образомъ пошому, что въ ней есть два или три бассейна минеральныхъ водъ. Въ нихъ можно купаться и жители приписываютъ имъ цѣлебныя свойства, которыхъ, однако же, ни кто изъ насъ не захотѣлъ испробовать.

На Мило въ первый разъ видѣлъ я жертвы нынѣшнихъ переворошовъ и былъ свидѣтелемъ ихъ страданій. Читатели въ послѣдствіи увидятъ, что это зрѣлище слишкомъ часто представлялось глазамъ моимъ. Греки, о которыхъ говорю я здѣсь, родились не на этомъ островѣ, они были прогнаны съ Кандін войсками Канудана-Паши, которые сдѣлали тамъ высадку и начинали разорять Греческія деревни и испреблать жителей оныхъ. Пещеры на Мило были завалены женщинами, дѣтьми, стариками, которые привезены сюда на Греческихъ корабляхъ.

Они валялись на землѣ, извеможенные, почти вагіе и испускали крики опчаянія. Блѣдные и болѣзненные лица нѣкоторыхъ изъ нихъ, ихъ впалые глаза, ихъ увядшія губы, чрезвычайная худоба ихъ членовъ, все показывало, что ихъ скоро не будетъ на свѣтѣ: многіе уже пали подъ бременемъ своихъ спраданій, но прочіе несчастливцы, слабые, зараженные и не подвижные, такъ мало отличались отъ нихъ, что трудно было разпознавать группы отъ группъ, въ которыхъ еще плыла искра жизни. Я не могъ вынести сего зрѣлища и удалился, исполненный плагоспнаго чувства, которое я ни когда не испытывалъ въ столь сильной степени. Призвалось даже, что я не могъ удерживать слезъ своихъ; я еще не научился сдерживать слезъ, извлекаемыхъ жалостію.

Благотворительность часто становится рядомъ съ злополучіемъ. Я почитаю себя счастливымъ, что могу засвидѣтельствовать предъ всемъ свѣтомъ челоуѣколюбіе Г. Бреста, Французскаго Вице-Консула на О. Мѣло. Дстойный представитель Короля, друга несчастныхъ, онъ не преспавалъ подавать злополучнымъ пособія, самыя дорогія и самыя безкорыстныя.

Мы подняли паруса и чрезъ нѣсколько дней пришли къ О. Тенедосу. (\*) И шеперь, какъ во

---

(\*) Тенедосъ славится на всемъ Восхокѣ своими превосходными винами.

времева Виргилія можемъ мы назвать его *statio malefida carinis*. Въ Тенедосѣ нѣтъ гавани; корабли, принужденныя спастись предъ симъ островомъ на якорѣ бывающіе подвержены порывамъ вѣтра и легко могутъ разбиться о берегъ.

На морскомъ берегу показывали мнѣ нѣсколько оспроконечныхъ возвышеній, похожихъ на гнѣзды, копорыя древнія называли *tumuli*: говорящій, что это могилы героевъ, павшихъ въ битвахъ, воспѣваемыхъ двумя величайшими въ древности поэтами. Я видѣлъ также, не безъ чувства огорченія оставаемого въ душѣ мечтами разрушенными, Симонсъ, копорый кашилъ прежде щипы и шлемы, а нынѣ бѣдный ручеекъ, въ копоромъ пастухъ поитъ стада свои. Видъ сей страны имѣеть для путешественника прелесть неизяснимую. Украшенный обольстительностію воображенія, онъ возбуждаеть тысячы воспоминаній, тысячы смущенныхъ мыслей, копорыя нѣсколько времени, поглощаютъ все душевныя способности. Я привѣщивовала издали опеченство Пріама и Гектора и вершина горы Иды исчезла уже изъ глазъ нашихъ, а я пошпорялъ еще великія имена Ахилла, Улисса и Агамемнона.

Съ фрегата Галатеи перешелъ я на Французскую Габарру *la Truite*, копорая перенесла меня прямо къ мѣсту моего назначенія. Извѣстно, что не доврчивость Султана воспрещаетъ всякому воен-

тому кораблю входъ въ гавань Константинопольскую. Посему, проходя мимо Дарданельскихъ замковъ, мы принуждены были спрячьше пушки свои въ шлюзы; Офицеры одѣлись въ паршикулярное платье; однимъ словомъ мы приняли все предосторожности для того, что бы корабль нашъ былъ почтенъ купеческимъ.

Первые лучи зари освѣтили прибытіе наше въ Константинополь. (\*) Представше себѣ дома, кіоски, блестящіе тысячею разноцвѣтныхъ красокъ, сады, кладбища, обѣнные вѣчно-зелеными кипарисами, воздушные минареты, возвышающіеся на Султанскихъ мечетяхъ; насунувъ сего обширнаго города, Скушари (древній Хризозолист) и зеленѣющіеся берега Азіи; прибавше къ этимъ красотамъ единственныя, находимыя только на Воспекъ, проспранную гавань, изъ которой возвышается весь мачтъ, воды, по которымъ бѣгутъ во все стороны легкія ладьи;

---

(\*) Турки называютъ Константинополь *Истамбуломъ* или *Исламбуломъ*; вотъ происхожденіе сихъ именъ. Когда Мусульмане завоевали сей городъ, занятый Греками, они часто слышали, что сіи послѣдніе говорили *исъ тинъ полинъ*, что значитъ *въ городѣ, пойдешь въ городъ, такъ исъ тинъ полинъ* и проч. Воображалъ, что это имя Константинополя, они приняли сіи слова въ свой языкъ и спали произносить ихъ *Истамбуль*. Но въ послѣдствіи, Узмы, желая придать городу имя, относящееся къ ихъ Религіи снова перемѣнили слово *Истамбуль* и перемѣнили его на *Исламбуль*, что значитъ *полный Мусульманами* и составлено изъ *Исламъ*, Исламизмъ или народы ему слѣдующіе, и *буль*, полный.